

Слово Генерала Шэня было законом, и никто во всей семье Шэнь не смел ослушаться старого господина.

Двое старших братьев Шэнь Цзуна рано взяли на себя семейные дела. Он же был поздним ребенком. Поскольку два старших брата уже были, Шэнь Цзун с самого рождения купался в лучах славы и любви семьи Шэнь, иногда становясь невероятно упрямым. Длительное баловство воспитало в нем характер, которым, кроме старого Генерала Шэня, никто не мог управлять.

Раньше никто во всей семье Шэнь не поднимал руку на Шэнь Цзуна. Только старый генерал, когда тот был маленьким и совершал ошибки, вмешивался, чтобы его наказать. Когда же он повзрослел, особенно в самый мятежный и безрассудный период, старый генерал прямо-таки порол его плеткой, заставляя стоять на коленях в кабинете, и ничьи мольбы не помогали.

Шэнь Цзун же со стальным лицом терпел порку. Старший был упрям, и младший тоже. Шэнь Цзун был самым похожим на старого генерала потомком.

Старый генерал воспитывал своего внука своими железными методами. Два его старших внука достигли определенных успехов и положения. Шэнь Цзуну же уже двадцать три года, а он до сих пор бездельничал. Все, что о нем говорили, — это балбес, трудный и невыносимый барин.

Старый генерал мечтал, чтобы внук стал достойным, и принял твердое решение отправить Шэнь Цзуна на перевоспитание к Цзян Шаочжи. Шэнь Цзун отказался в тот же вечер. В порыве гнева старый генерал приказал охранникам вышвырнуть Шэнь Цзуна и запретил ему видаться с Цзи Ванем.

Цзи Вань с холодным лицом наблюдал за спором деда и внука. Он, будучи в центре бури, казался совершенно невозмутимым.

Генерал спросил его:

— А тебе его совсем не жалко?

Цзи Вань напряженно скривил бледные губы. Он не мог выразить больше эмоций в ответ на семью Шэнь.

— Если больше ничего нет, я пойду отдыхать в свою комнату. Вы располагайтесь.

Сказав это, Цзи Вань ушел. Старый генерал Шэнь замер на месте и махнул рукой домработнице, чтобы та приготовила ему чашку чая.

Этот дом Шэнь Цзун изначально получил через связи, чтобы угодить Цзи Ваню. Затем эта история просочилась к старому генералу, и тот приехал, чтобы занять это место и посмотреть, каков же теперь человек, о котором его внук думал целых шесть лет.

Шэнь Цзун три года назад добивался Цзи Ваня. Три года спустя, хотя Цзи Вань носил его ребенка, он оставался таким же.

Старый генерал Шэнь был в ярости от его никчемности, взял чашку и пошел играть в шахматы с друзьями-отставниками.

Тун Цинхэ только что спрятал отчет, который дал ему доктор, и тут же получил сообщение от Цзи Ваня.

«Слышал, ты сегодня был в больнице. Что-то случилось?»

Тун Цинхэ ответил ему. Цзян Шаочжи вышел из душа и велел ему положить вещи, выпить молока и вовремя лечь спать.

Молоко Тун Цинхэ пил перед сном каждый день, но недавно из-за побочных эффектов очистки он постоянно хотел вырвать. Он еще не сказал об этом Цзян Шаочжи. Сегодня он тоже послушно взял чашку и выпил молоко одним глотком.

Тун Цинхэ сел в кровати, обхватив живот руками, ожидая, пока тошнота отступит. Обычно это занимало около пяти минут. Десять минут спустя Тун Цинхэ только лег, как тут же перевернулся и босиком побежал в ванную.

Цзян Шаочжи быстро поднялся и последовал за ним, наблюдая, как его омега опирается двумя тонкими белыми руками на унитаз, слегка опустив длинную шею.

Цзян Шаочжи с невозмутимым лицом наблюдал, как Тун Цинхэ рвет. Только когда Тун Цинхэ поднял свои покрасневшие глаза, Цзян Шаочжи подавил взрыв внутри себя, осторожно поддержал Тун Цинхэ, включил теплую воду, чтобы вымыть ему руки и ноги, и помог прополоскать рот.

Тун Цинхэ ожидал, что Цзян Шаочжи будет его ругать, обвиняя в сокрытии. Но когда его руки и ноги были чисты, и его отнесли обратно в кровать, альфа, не говоря ни слова, завернул его в одеяло:

— Спи.

Тун Цинхэ не мог выдавить из себя ни слова. Он умоляюще смотрел на Цзян Шаочжи, который выглядел спокойным, и колебался.

Закрыв глаза, Тун Цинхэ снова и снова спрашивал себя в темноте, что с ним случилось, чего ему не хватало? Он должен радоваться, что женился на дяде. Но радость прошла, и теперь он чувствовал беспричинную тревогу.

Он говорил о независимости, но на самом деле привык к заботе Цзян Шаочжи. По сравнению с заботой сестры до замужества, любовь Цзян Шаочжи к нему была неумеренной.

Тун Цинхэ открыл глаза и протянул руку, чтобы нащупать место рядом с собой. Оно было пустым.

Он сел, обняв одеяло. В комнате было темно. Тонкие занавески на окне балкона слегка колыхались. Интуиция подсказала ему, что Цзян Шаочжи там. Тун Цинхэ встал и пошел туда. Увидев альфу, который стоял к нему спиной, он молча обнял его за талию.

— Дядя, почему не спишь...

Через несколько секунд Цзян Шаочжи затушил сигарету в руке. Когда запах рассеялся, он обернулся, прижал Тун Цинхэ к себе на балконе и молча погладил его глаза и брови.

Даже после свадьбы Тун Цинхэ не раскрылся полностью. Его манеры и взгляд не могли обмануть. Тун Цинхэ все еще оставался тем самым ребенком, которого хорошо оберегали.

Именно этот хорошо защищенный человек начал испытывать свои собственные тревоги, научился скрывать свои чувства и не полностью открываться своему альфе.

Ночь очертила контуры Цзян Шаочжи, сделав их более резкими и четкими. Если присмотреться, казалось, что брови Цзян Шаочжи острые, взгляд пронзительный, нос прямой, а на лице не отражалось никаких эмоций. Цзян Шаочжи был холодным, сдержанным. С первого взгляда казалось, что он не подходит для выражения чувств.

Но Цзян Шаочжи смотрел только на него, и в его глазах было место только для него. Стоило ему проявить немного слабости, как его альфа не скупясь изливал на него всю свою оставшуюся нежность, даже если Цзян Шаочжи был в некоторых отношениях деспотичен и властен.

Тун Цинхэ сжал губы, приложил ладонь к груди Цзян Шаочжи, чувствуя его сильное, ровное сердцебиение:

— Дядя, у тебя нет вопросов ко мне?

Спросить, почему его рвало, почему он не сказал ни слова о словах доктора. Цзян Шаочжи, который так сильно о нем заботился, сегодня ничего не спросил. Сердце Тун Цинхэ сжалось:

— Ты на меня злишься?

Он говорил тихо, его голос был как легкое перышко, залетевшее в ухо Цзян Шаочжи.

Цзян Шаочжи сильнее обхватил Тун Цинхэ за талию:

— Внезапно не знаю, как с тобой быть.

— Тунтун, как ты хочешь, чтобы я поступил?

Цзян Шаочжи размышлял об этом с тех пор, как вернулся из больницы. Он не мог понять, что не так в их отношениях. Он связался с доктором, и тот дал ему совет из четырех слов: умеренно отпустить.

Цзян Шаочжи сказал:

— Ты сопротивляешься мне. — И тут же беспомощно рассмеялся: — Я очень долго сдерживался.

Глаза Тун Цинхэ горели от слез:

— Это я виноват.

— Тунтун, — Цзян Шаочжи слабо покачал головой. — Ты хороший.

Просто у него не было опыта в воспитании омеги. Он не мог понять своего маленького любимого человека.

— Ты не хочешь близости? — спросил Цзян Шаочжи, а затем поцеловал Тун Цинхэ в веко. Длинные ресницы слегка коснулись губ альфы, вызывая нежное, мимолетное щекотание.

— Тунтун, тебе неприятно?

Тун Цинхэ яростно покачал головой. Слабый аромат сандала обволакивал его тело. Вероятно, даже его пальцы ног, выставленные наружу, были ароматными. Ночью было холодно. Тун Цинхэ выбежал, завернувшись в одеяло. Цзян Шаочжи схватил его ноги и спрятал их за собой, чтобы согреть. Когда феромоны альфы исчезли, это было похоже на внезапно опущенную сеть. Весь вес Тун Цинхэ опустился на Цзян Шаочжи. Он позволил ему себя поддерживать, расширяя вокруг себя пространство, где можно было безопасно укрыться.

— Я думал, ты не хочешь со мной близости, — спокойно сказал Цзян Шаочжи. — Твой желудок болит. Ты предпочел терпеть это в одиночку, вытесняя меня.

Суровое лицо Цзян Шаочжи, казалось, немного дернулось:

— Доктор посоветовал мне умеренно отпустить, но когда я стоял за дверью, видел, как тебя рвет, и потом мыл тебя, я был очень взволнован.

Словно сдерживаемый зверь, Цзян Шаочжи действительно не знал, что делать со своим омегой.

Тун Цинхэ потерял голос. Его скрюченные ноги бессильно повисли.

Он слышал вздох альфы, который даже на поле боя не хмурился.

Цзян Шаочжи сказал:

— Я заставляю себя отпустить тебя, но когда я это делаю, я понимаю, что это не то, чего я хочу.

Цзян Шаочжи потрогал его мягкий живот:

— Тебя тошнит не только сегодня. Почему ты не сказал мне раньше?

Тун Цинхэ честно ответил:

— Боялся, что ты будешь волноваться.

— Дядя очень занят. Я хотел стать сильнее, чтобы тебе не приходилось обо всем беспокоиться.

— Дядя, — Тун Цинхэ слово в слово повторил то, что сказал ему доктор, и сделал свой вывод: — Вы слишком хорошо ко мне относитесь. Чрезмерное баловство заставило меня забыть, кто я.

Он шмыгнул носом:

— Теперь я во всем завишу от тебя. Когда просыпаюсь ночью и не нахожу тебя, я в панике бегу на балкон, чтобы тебя найти.

Тун Цинхэ тихо пробормотал:

— Если бы я мог стать маленьким, чтобы ты мог носить меня в кармане, это было бы прекрасно.

После этого оба замолчали.

Цзян Шаочжи нравилась привязанность Тун Цинхэ, но очевидные факты говорили ему, что эта чрезмерная зависимость, если она сохранится надолго, может негативно сказаться на Тун Цинхэ.

Цзян Шаочжи поцеловал Тун Цинхэ в лоб, снова скрутил его ноги и, в очень интимной позе, отнес обратно в кровать:

— Малыш, я буду любить тебя вечно.

Не зажигая свет, без всякой торжественности. Ночь была временем для молчания.

Но сегодня Цзян Шаочжи не молчал. Впервые он ясно выразил свою любовь. Его эмоции не были слишком бурными, но он сказал это легко и очень естественно.

Если он говорит Тун Цинхэ, что любит, значит, любит.

Губы Тун Цинхэ дрожали. Он крепко сжал пижаму Цзян Шаочжи. Он протяжно мыкнул сквозь слезы, а затем приложил ладонь Цзян Шаочжи к своему животу:

— Живот все еще болит.

Пока Цзян Шаочжи массировал ему живот, Тун Цинхэ тихонько уткнулся лицом в одеяло, скрывая слезы.

Утром Тун Цинхэ сам умылся, не просил Цзян Шаочжи нести его на завтрак, а после еды послушно лег в очистительную капсулу. Через полчаса, когда внешне спокойного Тун Цинхэ вывезли из процедурной, его взгляд инстинктивно искал Цзян Шаочжи.

Он с опозданием понял, что это плохо, и уже собирался закрыть глаза, как знакомое тепло обхватило его ладонь. Цзян Шаочжи, на глазах у медперсонала, поднял Тун Цинхэ и унес.

Тун Цинхэ невнятно опустил голову, выглядя очень удрученным:

— Я же сказал, что буду меняться...

Цзян Шаочжи ничего не подтвердил и не опроверг:

— Постепенно.

Эти короткие слова обрадовали Тун Цинхэ. Он легко поддавался утешению. Он прижался к Цзян Шаочжи. Он думал, что, возможно, не стоит так тесно прижиматься, но он действительно не хотел, чтобы альфа отпустил его руки.